

Знаю все способы списывания

Николай КОРМАКОВ, учитель физики 241-й школы

Нет, это не самонимение. Самонимением я уже переболел лет шесть назад, когда совершенно искренне полагал: все уже сделано. Кое-какие основания для такой уверенности имелись: за плечами все же был не только пединститут. Там, в МОПИ им. Крупской, я учился на вечернем отделении и уже со второго курса часов по тридцать уроков физики в неделю у меня набегало. А до этого — учеба в уникальном Обнинском техникуме по эксплуатации физико-энергетических установок, работа в КБ по конструированию ядерных реакторов, поступление (правда, ненадолго) в политех...

А вот в 1986 году побывал в Донецке на семинаре у В. Шаталова. Вот с той-то поры покоя мне и не стало. Знаю, знаю, что появились с тех пор и другие авторы, а разрабатываемый тогда Владимир Федорович вроде бы вышел из моды... Да только, кажется мне, забывать уроки Шаталова стали у нас прежде всего потому, что не поняли их до конца, попробовав на зуб лишь отдельные, подчас чисто внешние элементы. А они в отрыве от системы не дают ожидаемого эффекта.

Сам я понял это отчасти случайно. Во-первых, благодаря тому, что знакомство мое с новаторской педагогикой началось не в Донецке, а гораздо раньше — в начальном зале «Ушинки». И второе (а может быть, первое): мне очень везло на людей. Вот и руководство нашей 241-й (где я работаю с 1985 года, где, в общем-то, и стал учителем), видя мой метания, предлоило «собрать» для меня седьмой класс: в комплексе так в комплексе. Правда, у меня к этому времени еще кое-какие мысли появились: а почему, собственно, седьмой? Давайте — с пятого!

Авантюра? Может быть. Хотя, если честно, тут было больше логики, чем риска. Судите сами — материал-то, составляющий основу школьного курса физики, был написан еще в 20–30-е годы. И адресован он был семиклассникам с учетом уровня грамотности страны, только-только претворявшей борьбу с неграмотностью. И если мы, закрывая на это глаза, предлагаем почти азбучные истины вводного курса физики сегодняшним семиклассникам, то стоит ли удивляться падению интереса к изучению естественных наук?

Затеваюсь эксперимент для того, чтобы увлечь ребят физикой, а в результате я сам так увлекаюсь, что к своим нынешним 51 часам учебной нагрузки в неделю отношусь спокойно. Тот мой пятый — сегодня уже восьмой — сделал меня в прошлом году «московским Учителем года». А «Методика раннего изучения физики в дифференцированных классах» включена в учебный план областного педуниверситета — студенты приезжают к нам на практику, благо к эксперименту подключились еще два класса... И понял я наконец, что нужно мне больше всего, — нужно время для работы. Ведь нам сейчас дали невиданную ранее свободу для педагогического творчества, а как мы ее используем? Как обычно, что заняты в основном какими-то мелочами, погоды ни в школе, ни в обществе не делающими. Все еще не верим? Боимся? Или просто не можем?

Вот появилось сейчас много новых учебников. У девятиклассников, к примеру, по физике их сейчас целых три: Кикоин, Саенко, Шахмаев... На какие мысли наводит знакомство с ними? Давайте по гамбургскому счету: при составлении их шло в основном переписывание одного и того же материала — суть-то законов Ньютона не изменилась от политических потрясений последнего времени. Отличия по большей части сводятся к тому, что в одном учебнике формулы взяты в рамочку, а другой лидирует по части выделений красным шрифтом, да картинки были заказаны разным художникам.

Пересмотрели структуру про-

Наблюдают у себя состояние коммуникативной перегрузки, связанное с желанием общаться с людьми, стремлением избежать контактов, желанием побыть одному, сопровождающиеся плохим самочувствием, неоднократно в течение дня — 2,2%, почти каждый день — 19,7%, обычно в конце рабочей недели — 30,2%, несколько раз в месяц — 21,6%, несколько раз в год — 16,7%.

граммы? Боюсь, что это тот случай, когда новшество нельзя приравнивать к совершенствованию. Впрочем, с учетом предпосылок этих изменений — намерения сократить количество «физических» часов — иных последствий и нельзя было ожидать. Ведь где-де, а в физике, где все тесно переплетено и взаимосвязано, нельзя снять один какой-то вопрос — если же приходится что-то убирать, то целыми блоками. Вот и убрали, к примеру, интереснейший раздел геометрической оптики. А изучение механических колебаний и звука перенесли из 11-го класса в младшие, соответственно сократив и, извините, примитивизировав. В итоге одиннадцатиклассники испытывают массу трудностей при изучении электрических колебаний — механические-то они проходили полтора года назад, да еще на каком уровне... В результате физика из стройной, логически систематизированной науки, где одно естественно вытекает из другого, оборачивается для ученика набором оторванных друг от друга формул и законов, которые предлагается не понимать, а заучивать наизусть.

А если наложить этот явный методологический просчет на нашу проклятую бедность, когда учитель лишен возможности реального выбора учебника для своих учеников. Потому что наша школьная библиотека не в силах дать во все три девятых класса один и тот же учебник... Нет,

сам я, особо не выделяя ни один из этих трех учебников, готов вести занятия по любому из них. Тем более, что собственную подготовку к занятиям никогда как-то одним учебником не ограничивал, стараясь прежде всего дать то, что в обычной книге отсутствует. Но готовить на каждый день по три варианта изложения каждой темы — что может быть неразумным?

Нет, как хотите, а я убежден, что не переписыванием учебников надо сейчас заниматься (по естественнонаучным дисциплинам, во всяком случае), а разработкой методик преподавания — как донести содержание предмета до ученика. И в профессиональ-

ной подготовке будущих педагогов упор нужно делать именно на эту проблему. И учить студентов не излюбленной методике читающего курс преподавателя, а самым разным: пусть потом сами выберут для себя ту, что лично им больше подходит под индивидуальный характер, темп речи. А то иной раз (сужу по личным наблюдениям) приходят в школу толковые люди с дипломами университетских физиков, МИФИ и МФТИ и уходят вскоре из-за неспособности передать ученикам то, что знают сами.

Ведь это только со стороны кажется, что учить — легко. Нет, в классе не скитирть, не санкнать безнаказанно не удастся — ответная реакция учеников ждет себя долго не заставит. Но уж если ты хорошо спланировал урок, продумал каждую минуту — будет и дисциплина, и знания.

Конечно, всего предусмотреть невозможно. Вот записывают мои ребята задачи на дом, а натурой с невинно-ехидным видом спрашивают: «Это что — на проверку таблицы умножения? Да, задачи и задачки — это еще один наш большой зуб. Сборник Рымкевича надоел уже всем. Качественно составлен задачник Лукашка, но тематически он адресован младшим классам. Сделать бы к нему приложение из задач посерьезнее — со вступительных экзаменов, типа тех, что печатаются «Квант». У себя в школе мы такие задачи решаем на факультативе.

Зачем в экспериментальном

классе еще и факультатив? Хотя эти классы набирались из ребят, предрасположенных и заинтересованных в изучении физики и информатики, я бы очень не хотел, чтобы они зацикались на этих предметах. Пока от этого Бог вроде бережет: полкласа за увлечением выпускают газеты (правда, физико-математические), целый спектакль поставили... Все не хочу и не надеюсь, что все они поголовно станут физиками. Задачу свою вижу в другом: заинтересовать их, чтобы на моих уроках им не было скучно. И постоять, чтобы те из них, кто все же захочет впоследствии связать свою жизнь с физикой, не обнаружив в своем представлении о ней серьезных пробелов.

Еще недавно больше всего меня волновало, пойдет ли учеба у моих ребят. А вот теперь не дают покоя мысли о том, что будет с ними дальше. Ведь обычную программу они опережают примерно на полтора года — и через несколько месяцев этот вопрос они мне уже зададут сами.

А я не знаю ответа. Хотелось бы, конечно, чтобы их обучение продолжилось без потери высоты. Проблему можно было бы решить с изменением статуса школы — с выхолом на уровень лицея или гимназии, но... Кто займется всем этим? Разрабатывать новую программу, готовить дидактический материал — нет, один не потяну; и так в школе каждый день с семи утра до семи вечера... Как бы я их ни любил, как бы они меня ни любили, наверное, уйдут многие из них в спецшколы и классы «углубленного изучения». Жалко, конечно, с ними так расставаться — но по крайней мере гордость будет...

И вместе с тем — обидно: ведь многие вещи, к которым шел долгие годы, мучился дни и ночи напролет, остаются неостребованными. Ведь у меня на руках — богатейший материал, нарабатываемый совместно с моими учениками, которым никак не удается поделиться с коллегами: сборник опорных конспектов, учебно-контрольные программы для «Агатов», да мало ли что еще! Месяц на перепечатку — и я готов выдать методические пособия для учителя по всему школьному курсу физики, но кто их издаст? Обращался в областную пединверситет — там разъясняют: из бюджета финансируется только издание методичек для учеников. Для учителей — только за счет автора. Неужели действительно — все, что сделано, никому, кроме меня самого и моих учеников, не нужно?

А насчет списывания... Вообще-то мои ребята списывают редко. Зачем им это? Из лабораторных работ я не только разрешаю, но и советую пользоваться тетрадью, учебником — пусть учатся быстро находить нужную информацию. Списывать опорный конспект? Они знают, что лучше прямо сказать о желании написать его в другое время. Отметка в журнал все равно не пойдет, а «единожды солгавшему» придется пересдавать и все предыдущие темы, но уже честно.

Есть, правда, один практически неразоблачаемый способ списывания — я наткнулся на него случайно. Но подробно говорить о нем не буду — ведь «Учительскую газету» читают не только учителя...

6 часов химии в неделю, которые ведет завуч 1030-й школы Павел Викторович Алмазов, по его словам, предназначены для души.

Химия — для души

Сергей САФРОНОВ

1030-я школа — физико-математическая при Московском институте электронной техники. Для ее учеников, прошедших большой конкурс, это учебное заведение — своеобразная финишная прямая, по которой с максимальным успехом можно приблизиться к овладению выбранной профессией. Система обучения четко ориентирована на вуз: семестры, лекции, зачеты. Курсы читают институтские преподаватели. Часы на предметы, которые в учебном плане МИЭТа представлены мало, сокращены. Пришлось потесниться и химии. В институте нашим выпускникам предстоит изучать этот предмет всего один семестр. Так зачем же перекурывать и без того перегруженных школьников? — разъясняет Алмазов-завуч. «Моя задача, чтобы за отведенный на постижение химии небольшой срок рассказать о ней так, чтобы ученик, выходящий в электронку, смог внести с урока нечто полезное, а может быть, даже увлекательное. — убеждает Алмазов-педагог. Сам он увлекается химией в этой же школе еще учеником. Учительницей Галина Дмитриевна Виноградова, которая теперь его коллега, посоветовала поступать на химфак МГУ им. В. И. Ленина. Так он и сделал. После вуза пришлось работать воеркомом и даже преподавателем в колонию, но всегда Павел Викторович возвращался к любимому предмету. Поэтому, когда бывший одноклассник Андрей Витальевич Грищенко стал директором его родной школы, дал согласие прийти к нему завучем, но «обратки» разделил с ним часы, отведенные на химию.

В этой школе царит домашняя, семейная обстановка. Коллектив небольшой — 35 педагогов, и что описательно, равное количество учителей — только и только что пришедших в школу после окончания вуза. В том, что не разрабатывает коллектив «проблема отцов и детей», в этом есть заслуга и Павла Викторовича. Спокойный, он вносит в бурную жизнь школы умиротворение и порядок. Пример творческого сотрудничества между педагогами демонстрирует опять же химик. Альянс Алмазова, Грищенко и Виноградовой при всей разнице их характеров и манер преподавания позволяет и в физико-математической школе повысить роль химии как общеобразовательного предмета.

В основном же проблема у Алмазова и его коллег химическая. Не хватает реактивов, и от многих экспериментов с дымом и взрывами, столь любимых школьниками, приходится отказываться. Кто-то скажет, что нематериальным благополучием силен учитель. Да. Но... «Среди учителей химии трудно встретить «новаторов». Не потому, что мы ничего не экспериментируем, не внедряем оригинального в учебный процесс. Просто само содержание предмета — стабильно, и повернуть его новой трактовке чрезвычайно затруднительно» — замечает Павел Викторович. И действительно, как горело вещество, выделял ли газ, сколько — так она и продолжает гореть. Это будет продемонстрировано на уроке в «новаторской» и «обыкновенной» школе. Отличия же здесь всего по форме: много внимания уделяется практическим работам, кто-то историю химии, а иной вводит в процесс обучения элементы игры.

То, что Павел Викторович — хороший учитель, ни у кого сомнения не вызывает. Но его урок предпринимать коммерчески от педагогов не станут тиражировать на видеокассету. Чтобы извлечь из его опыта пользу, надо обязательно присутствовать на уроке самому, удалять атмосферу прокладывающей, энергетическую процессу передачи знаний, где обожку роль играет все — от жеста и интонации в голосе учителя до его спонтанного настроения. И ученики ценят это свободное общение с учителем. Достаточно сказать, что, уже расставшись со школой, они продолжают почти каждый день заглядывать сюда «на огонек», а вечера встреч выпускников проводят ежемесячно!

ДМИТРИЙ ХРУПОВ